

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 82.0 : 801.6

ББК 83.014.5

Д 30

Л.И. Демина

Лирический конфликт в поэзии 50-х годов XX века

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье речь идет об эволюции лирического конфликта в литературном процессе 50-60-х годов XX века. Своеобразие заключается в изменении внутреннего содержания конфликта в связи с влиянием и преодолением бесконфликтности, используется теоретический материал (Г. Пospelов, Л. Тимофеев, Л. Гинзбург, Ю. Лотман, А. Коваленко и др.) и произведения Н. Заболоцкого, Я. Смелякова, А. Твардовского и др.

Ключевые слова:

Литературный процесс, лирический конфликт, бесконфликтность, лирический герой, двоемирие, философское содержание, проблема.

Выделить и выявить специфику лирического конфликта в произведении – задача сложная, несмотря на существующие теоретические разработки, к которым мы обращаемся, остаётся много нерешённых вопросов в данной проблеме. Лирика как особый вид литературы имеет свои особенности, которые следует учитывать при исследовании конфликта. Принято считать, что в лирическом конфликте, в отличие от эпического, мир не изображен, а выражен в чувствах, в мыслях, переживаниях героя, это обуславливает некоторые особенности конфликта.

Понятие лирического конфликта впервые определено Гегелем. «Хотя лирическая поэзия, – писал он, – и переходит к определённым ситуациям, в пределах которых лирическому субъекту позволено вобрать в свои чувства и размышления огромное многообразие содержания, всё же форма внутреннего мира всегда составляет основной тип этого рода поэзии, и уже потому она исключает мировую наглядную картину внешней реальности» [4, с. 460].

Отличительной особенностью лирического конфликта, считает Г.Пospelов, является соотношение субъективного и объективного. «Лирика представляет собой словесные медитации поэта, выражающие его внутренний мир. Это основная разновидность лирики, в которой она

особенно ясно обнаруживает специфические особенности и закономерности» [17, с. 106].

В лирике с наибольшей полнотой раскрывается внутренний мир и сознание поэта, так как этот вид литературы отличается предельной концентрацией содержания и формы.

Определить однозначно специфику лирического в произведении всегда довольно сложно. Л.Тимофеев выделяет существенные признаки лирики – это субъективность и индивидуальность в изображении характера, эти понятия вносят дополнительную ясность в изучение проблемы лирического конфликта. По мысли учёного, лирика не изображает, а отражает жизнь, передавая конкретные человеческие переживания, различные по своему содержанию. Лирика создаёт свой мир, свои принципы познания жизни, она намного тоньше и глубже передаёт психологию чувств, мыслей, которая не всегда подвластна психологическому анализу.

По мнению Л.Гинзбург, лирическая поэзия не всегда представляет собой непосредственный разговор поэта о себе и о своих чувствах, но это всегда точка зрения, оценка. «Оценочным началом проникнуты и столь живучие в лирике эстетические категории высокого и низкого, поэтического и прозаического. В сжатых

лирических формах оценочное начало достигает чрезвычайной интенсивности» [5, с. 6].

Конфликт в лирическом произведении – сложная система концентрации и многослойности, определить критерии которой чрезвычайно трудно. На наш взгляд, теоретические положения о поэзии Ю.Лотмана позволяют нам представить конфликт как проявление универсального принципа «тождества – противоречия» на всех уровнях текста поэтической структуры.

Структуру лирического конфликта с точки зрения бинарно-антиномических оппозиций исследует А.Коваленко в работе «Художественный конфликт в русской литературе» (поэтика и структура). Данный научный подход позволил глубоко исследовать проблему лирического конфликта в произведениях Ф.Тютчева, В.Ходасевича, О.Мандельштама и др.

Следует сказать, что литературный процесс 50-х годов связан с «бесконфликтностью», существенно повлиявшей на художественный уровень многих произведений и их значимость. Поэзия, как и другие жанровые виды, оказалась на некоторое время под влиянием «бесконфликтной теории». Сложившаяся обстановка в это время, как в литературе в целом, так и в поэзии, определялась «кризисной». Свидетельством этого является ряд постановлений о литературе и искусстве, а также дискуссия о поэзии, развернувшаяся на страницах газет и журналов.

Дискуссия о поэзии, развернувшаяся в литературных изданиях, должна была ответить на главный вопрос: какой должна быть поэзия будущих десятилетий?

Критик Е.Зелинский в своей статье «О лирике» настаивал на перспективности развития лирического направления в поэзии, отстаивая «общее усилие интимности нашей поэзии» [10, с. 190]. Возражавший ему А.Лейтес усматривал в этом явлении признаки «вредной», по его мнению, «внутренней расторможенности» [14, с. 3]. И.Гринберг признавал, что «лирика решительно первенствует в сборниках и поэтических отделах наших журналов последних лет» [6, с. 3]. Именно этот факт воспринимался им как опасный симптом того, что в поэзии появится много личного, пережитого, и это негативно повлияет на развитие поэзии.

Данные критические статьи о поэзии написаны в духе времени, они не затрагивают сколь

– либо сложных проблем литературной жизни той поры, а лишь демонстрируют формальный подход и участие в сложившейся ситуации. Это не случайное, а вполне закономерное явление в едином литературном процессе 50-х годов.

Общая тенденция развития тем, идей, настроений характерна как для прозы, так и для поэзии. В эпических произведениях главенствовала тема послевоенных преобразований и социального строительства, в поэзии конца интересующего нас времени мы наблюдаем сходные явления, за исключением тех авторов, чье творчество не соответствовало предъявляемым требованиям и, несмотря на всякие противоречивые моменты в развитии лирики тех лет (Постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград», (1946 г.), в печати все же появлялись отдельные произведения А.Ахматовой, Б.Пастернака.

Главное требование, предъявляемое к поэзии этого времени, заключалось в том, что она должна отражать конкретные факты достижений в восстановлении страны. И как следствие этого как в прозе, так и в поэзии этих лет стали активно развиваться деревенская и производственная темы. Подтверждением могут служить стихотворения Н.Грибачёва «Колхоз «Большевик» (1947г.), М.Луколина «Рабочий день» (1948г.), Н.Асеева «Поэма северных рек» (1951г.) и другие, написанные в эти годы. Критика с удовлетворением отмечала в них «новое дыхание жизни, трудовой пафос, дерзания и мечты молодого поколения, которое пришло с войны, желание перестраивать на новый лад хозяйство страны» [22, с. 196].

Вследствие особого внимания к «строительству новой жизни» лирические темы стали меньше звучать в творчестве поэтов. Лирическое начало в стихотворениях стало уходить на второй план, а то и вовсе исчезать из произведений. Именно этим была вызвана обеспокоенность З.Кедриной в статье «Поиски главного. (Рассказ о потерянном литературном процессе)». «Самое понимание лирики стало меняться, изменился не престиж лирики, а её качественный уровень» [12, с. 19], – писала она в статье и в доказательство ссылаясь на тот факт, что новые лирические циклы самых разных поэтов стали составляться из стихов, написанных на гражданские темы. Назывались такие стихи, как «Путь воды» В.Инбер, «Возвысьте голос,

честные люди, сорвите маски с убийц!» А.Суркова, «На ближних подступах» М.Алигер.

Другой точки зрения придерживалась О.Бергольц, признавая «неблагополучность» лирической поэзии, она считала, что материал для поэзии всё же следует брать «из жизни», замечая по этому поводу: «Ошибочна точка зрения, что наша жизнь не даёт материала. Эта мысль способна дезориентировать; она направлена к снижению ответственности поэтов за свою работу» [1, с. 3].

Как правило, «жизненный материал» реализовывался в производственной и деревенской темах, что существенно снижало уровень «лирического» в стихах, именно против такого подхода выступала З.Кедрина и не нашла поддержки своим высказываниям в критике.

Можно заметить, что в стремлении создавать произведения в духе времени в творчестве отдельных поэтов проявилась тенденция «приукрашивания» действительности, следствием которой стал декларативный пафос, «идиллия» и «лучезарность» трудовых будней. В качестве примера такого рода поэзии можно использовать подборку стихотворений в журнале «Знамя» (1951г., №10). Е.Долматовский в стихотворном цикле «У будущих морей» (1951г.) «в небесно голубом цвете» изображает действительность:

И белый голубь в синеве летит
Над улицей Мира утром рано.
И, словно семафоры, – путь открыт! –
Повсюду башенные краны [7, с. 16].

А.Прокофьев совершенно «легко» и «бес-
содержательно» передаёт состояние лириче-
ского героя:

И тревоги далеки,
И забот немного,
Золотые огоньки,
Дальняя дорога [18, с. 108].

В поэзии появилось много произведений, написанных «на тему дня», именно этот признак не позволил им «просуществовать» долго, хотя «стихотворный поток» в литературных изданиях был значительным. Сложилась ситуация, когда «количество не соответствует качеству». Обеспокоенность этим высказал С.Щипачёв в статье «За высокую поэзию»: «В поэзии нет интересных новинок, пишут много, но всё дело в уровне мастерства. В литературе и искусстве появилось много посредственных, а

иногда и просто халтурных произведений, искажающих действительность. Жизнь изображается вяло и скучно. В поэзии много недоработанных и слабых произведений. Это сигнал о серьёзном неблагополучии. Поэзии не хватает умения создавать обобщённые образы, отражать жизненные конфликты. Во многих стихах не чувствуется ни вдохновения, ни мысли, ни поисков новых форм выразительности» [23, с. 2].

Далее поэт отметил и другие «негативные» явления в поэзии, называя такие, как «несамостоятельность и подражание», «сторочкогонство» молодых поэтов, «слабая» критика и самокритика. В качестве подтверждения своих слов С.Щипачёв привёл поэму В.Тушновой «Дорога на Клухор» («Знамя», 1952г., №9) и М.Алигер «Вышки в море» («Новый мир», 1952г., №2), которые не лишены перечисленных выше недостатков.

О.Бергольц в своей критической статье, опубликованной в «Литературной газете», пыталась найти «истоки» негативного проявления в поэзии, она писала: «К зеркально-мёртвому отображению, к безликости ведут нашу лирику поэты, «реалисты на подножном корму», боящиеся выразить нашу жизнь через собственное сердце, как часть самого себя, страдающие явной самобоязнью, шарахающиеся от самих понятий – личность, индивидуальность, самовыражение, то есть от того, без чего поэзии просто не существует» [1, с. 4].

Многими литераторами признавалась «легковесность», «низкий уровень культуры стиха» и художественная невыразительность. Но в целом критику волновал не содержательный уровень, а тот факт, что «поэзия стала отставать от прозы». Недостатки поэзии видели в том, что «она сильно отстаёт от времени, от живой практики современности» [22, с. 214].

А.Сурков высказывал мысль о необходимости более тесного, органичного сближения стихов с жизненной реальностью и её трудовыми проблемами: «Большие задачи, стоящие перед нами, нужно решать, исходя из основного требования – чтобы люди не просто «приехали за материалом» на великие стройки, а чтобы они вошли в эти объекты как соавторы вместе с бетонщиками. Вместе с экскаваторщиками, вместе с бульдозеристами...» [21, с. 155].

Тезис о необходимости тесных контактов поэтов с реальной жизнью был, безусловно, справедлив. Однако помимо знаний окружающей действительности необходимо было владеть мастерством художника, чтобы создать произведения не «по схеме», «заказу», а по творческому вдохновению.

Следует заметить, что ставить задачи нужно было не только перед поэзией, но и перед критикой, потому что не выполнялось её главное назначение – вместо глубокого анализа литературного процесса, творчества отдельных поэтов и их произведений, давался поверхностный разбор стихов в духе «бесконфликтности». Необходимо было иметь качественно новую критику, соответственно с этим была сформулирована её задача: «Главная задача критики состоит в том, чтобы показать, как воплощена идея поэтичности, раскрыть художественные, индивидуальные особенности воплощения личности поэта, попытаться уложить живой трепет, дыхание идеи в образах, интонации, музыкальности» [1, с. 4].

Особенно остро и резко проблемы поэзии обсуждались накануне Второго Всесоюзного съезда советских писателей (1954 г.), а затем и на самом съезде. Главными вопросами, вокруг которых развернулась дискуссия в «Литературной газете», были вопросы о лирическом герое и «самовыражении поэта».

Принципиальное направление принял разговор о поэзии на Втором Всесоюзном съезде писателей. Прежде всего отмечалось, что состояние поэзии далеко от благополучия, так как на её развитии сказались тенденции к «приукрашиванию действительности, к замалчиванию противоречий развития и трудностей роста» [3, с. 8].

Мысль о необходимости решительного подъёма общего идейного и художественного уровня стихотворений, об углублении художественного познания мира была основной в докладе Самеда Вургуна «О советской поэзии». Докладчик отметил, что поэзии «нужны произведения, проникнутые высокими идеями, философскими размышлениями» [3, с. 67]. В этой связи выступавшие останавливались на конкретных недостатках поэзии. В.Луговской говорил: «Мы часто только торопливо надкусываем темы, как яблоко, не добираясь до золотых зёрен настоящей темы» [3, с. 132]. Прин-

ципальной критике подвергла современную поэзию О.Бергольц. «Безличность, – утверждала она, – вот ещё причина отставания нашей поэзии» [3, с. 342].

Дискуссия на съезде способствовала выработке объективной оценки поэтического творчества и тенденции развития поэзии на другом идейно-художественном уровне.

Несмотря на наметившиеся позитивные явления в поэзии 50-х годов, обстановка оставалась достаточно сложной, потому что «бесконфликтность» сохранялась в отдельных поэтических произведениях, в том числе и в критических статьях, поддерживающих «поверхностную риторику» стихов и «бесконфликтное отражательство». «Искоренить» «бесконфликтность», полностью «избавиться» от этого явления понадобились годы. Тем не менее, развитие поэтического творчества не прекращалось. Самокритичная, «недовольная собой», поэзия в дискуссиях, в поиске истины обрела бесспорные ценности и стала существенно «набирать силу».

«Время наступления стихов», о котором говорил И. Эренбург во время дискуссии, пришло очень быстро и стремительно. Новый этап намечился в развитии поэзии, пережившей трудное послевоенное десятилетие психологической и эстетической перестройки. Свидетельством этого являются произведения Н.Заболоцкого, Я.Смеякова, А.Твардовского и др., популярностью пользовались и стихи молодых поэтов – А.Вознесенского, Е.Евтушенко и др.

В начале 50-х годов в лирике, как и в целом в литературе, большое внимание уделялось творчеству авторов, которые в своих произведениях отражали большие успехи строительства послевоенного десятилетия, передавая особый пафос времени и создавая в стихах атмосферу восторженности преобразования в стране; такими поэтами являются Н.Асеев, А.Прокофьев, Я.Смеяков и многие другие. Их объединяет не только время, но и подход к изображению действительности. Возможно, поэтому популярность их творчества ушла в прошлое и осталась лишь характеристикой литературного процесса.

В своё время критика не обходила вниманием их творческие искания, а исследователи в своих работах достаточно глубоко изучили индивидуальные особенности каждого, поэтому

мы, обратившись к поэзии этого времени, попытаемся лишь выявить тенденции конфликтного содержания произведений, наиболее значимых в литературном процессе и способных прояснить существо поставленной проблемы.

«Музой труда» называли лирику Я.Смелякова 50-х годов. В стихотворениях поэта судьба лирического героя отождествляется с судьбой народа и государства, а в его образе прослеживается «внутреннее возвышение», гордость за содеянное:

Я строил окопы и доты,
железо и камень тесал,
и сам я от этой работы
железным и каменным стал....
Стал не большим, а великим,
раздумье лежит на челе,
как утром небесные блики
на выпуклой голой земле [20, с. 227].

Лирический герой с предельной сдержанностью говорит о личном, индивидуальном, потому что в его жизни главным является общественное.

По мнению исследователей творчества Я.Смелякова, в стихотворениях поэта 50-х годов определилась новая эстетическая категория – «голос правды», в которой заключалась суть времени. Следуя этой эстетике, поэт стремился закрепить и осмыслить в своих произведениях самые главные определяющие тенденции в истории, жизни, труде, приметах времени. Земля, железо, уголь, хлеб – это главные опоры, на которые, по мысли поэта, держится жизнь труда и народа, поэтому труд изображается им эпически широко, как величайшее событие в жизни. Масштабность диктует стихам торжественную интонацию, монументальность образов. «Строгая любовь» (1953-1955г.) – произведение, в котором отразился данный подход к изображению действительности. В критике о нём писали: «Поэт хотел воскресить «коллективный пафос» молодого поколения ополчения индустрии, сопоставив две эпохи – юность страны и её зрелость, осмыслить закономерность исторического развития, подчеркнуть единство поколений» [16, с. 218].

Время в поэме Я.Смелякова представлено конкретными героями, а автор выступает и как рассказчик, и как повествователь, и как собеседник, поэтому образ времени как бы представлен с разных точек зрения.

В книге Л.Лавлинского о творчестве Я.Смелякова читаем: «Острота конфликта, внутренняя уплотнённость действия определяют своеобразную композицию поэмы «Строгая любовь». Герои проходят ответственную проверку на зрелость в общественном плане (случай с Зинкой) и в личном (любовь Лизы и Яшки). Вокруг двух сюжетных линий образуются основные поля тяготения, группируется материал. Всё художественное сооружение поэмы держится на прочном каркасе контрастных сопоставлений» [13, с. 82].

Я.Смеляков отражает время, эпоху, комсомольский энтузиазм молодёжи, жившей коллективным массовым сознанием. Он оценивает свою комсомольскую юность с точки зрения новой эпохи, конца 50-х годов, поэтому с доброй иронией и строгой любовью пишет о «наивном аскетизме» подростков страны – «девочек железных», «детей стали», «мальчиков храбрых», которые за «сжатыми лозунгами труда и твёрдой чёткостью устава» не обращали внимания на отдельную личность, мало ценили неповторимую индивидуальность человека.

Безусловно, сюжетная основа определяет развитие действия и конфликт, который выражен противоположными взглядами и действиями героев, им трудно разобраться в ограниченности своих позиций, в недалёковидности взглядов. В поэме прослеживаются две сюжетные линии, одна из них соотнесена с возникновением первой любви между двумя комсомольцами – Лизой и Яшкой, вторая – с семейным бытом Зинки и отношением к нему других героев поэмы. В связи с этим в произведении неоднозначно решаются проблемы коллективного и индивидуального, общественного и личного.

Поступки, деятельность героев окружены ореолом возвышенности и даже некоторой преувеличенности. Рядом с миром труда и станков, лозунгов и собраний живёт «первая любовь», преображающая мир, обновляющая жизнь. Именно чувство любви, по мнению поэта, способно потеснить в героях категоричность и наивный аскетизм по отношению к духовным ценностям.

«Строгая любовь» Я.Смелякова – это произведение, в котором лучшим образом отразилось влияние времени в определении темы и

выражении своеобразного конфликта, который можно считать социальным, а не лирическим в данном произведении.

К поэтам «старшего поколения» послевоенного десятилетия относится Н.Заболоцкий. Раннее творчество поэта было связано с деятельностью обэриутов и во многом определило темы, идеи произведений. Начало 50-х годов связано с новым этапом творчества, Н.Заболоцкий создал целый «куст» стихотворений, посвящённых труду. Центральным является – «Творцы дорог» (1947г.), дополняют его – «Воздушное путешествие», «Храмгэс», «Сагурамо», «Город в степи», «Урал» и «На высокой горе у Тагила».

Стихотворение Н.Заболоцкого «Творцы дорог» в критике называли «симфонией труда», в которой поэту удалось выразить грандиозность строительных масштабов, доведенных «до удивительности, до сказочности, ... соединяющей в себе безупречную верность отчёта и грандиозность торжественного гимна» [15, с. 235].

Безусловно, картина труда в стихотворении несколько возвышенна, «приукрашена», её описание носит декларативный пафос:

Над крутизною старого откоса
Уже трещат бикфордовы шнуры,
И вдруг – удар, и вздрогнула берёза,
И взвыло чрево каменной горы... [9, с. 46].

Взрывные работы, машины, люди описаны, в сущности, с точностью репортажа, в реальной последовательности трудового процесса, но поэт, чтобы «оживить» документальный рассказ, во второй части стихотворения вводит описание природы:

Угрюмый Север хмурился ревниво,
Но с каждым днём всё жарче и быстрее
Навстречу Беренгова пролива
Неслась струя тропических морей. [9, с. 46]

Яркий пейзаж создаёт удивительную картину, совершенно «не вписывающуюся» в производственный процесс, ещё больше подчёркивая некую «искусственность», пафосность, «бесконфликтность».

Несомненно, что Н.Заболоцкий в стихотворении «Творцы дорог» стремился отразить неповторимый трудовой энтузиазм первых послевоенных лет, показав размах грандиозного труда на фоне великолепной природы, он не смог избежать тех ошибок, недостатков, кото-

рые были характерны в целом для произведений подобного типа.

Стихотворение «Прохожий» считается одним из лучших в лирике Н.Заболоцкого, ему уделено немало внимания в исследованиях о творчестве поэта. Существует глубокий анализ этого поэтического текста в книге Ю.Лотмана «О поэтах и поэзии», в монографии А.Македонова «Николай Заболоцкий. Жизнь. Творчество. Метаморфозы», поэтому мы обращаемся к данному произведению для анализа лирического конфликта, построенного в данном случае на глубоком философском противопоставлении жизни и смерти, человека и памятника.

В сюжете стихотворения – встрече Прохожего и памятника – раскрывается одна из главных тем позднего творчества Н. Заболоцкого – тема смерти и бессмертия, включающая в себя и ряд других «микротем» – памяти войны, «бедствий» тысяч людей, продолжения жизни человека, прошедшего тяжёлые испытания. Все эти темы совмещены в глубоком идейном содержании, определяющем внутренний конфликт Прохожего, беседующего с памятником.

Встреча Прохожего с памятником лётчику – это встреча жизни и памяти, и в этой встрече рождается особое переживание, «нежданно мгновенного, пронзающего душу покоя», ибо в нем смолкают и преодолеваются тревоги, продолжается жизнь, и лётчик, как живой, беседует с Прохожим, и после его смерти продолжает жить его юность. Это особое переживание, как считает Ю.Лотман, не просто чувство страха или униженность перед смертью и не отрицание во имя высшей иерархии духовного, а открытие высшей духовности в Прохожем, в памятнике, в природе.

Внутреннее движение стихотворения, его внутренний сюжет представляют собой скрытое переживание, конфликт самого Прохожего, исполненного душевной тревоги. Его небольшое путешествие, дорожная встреча, беседа с невидимым лётчиком перерастают в символ большой и трудной человеческой судьбы.

Стихотворение Н.Заболоцкого «Некрасивая девочка» имело большой успех благодаря «предельной простоте, которая невнимательному глазу может показаться примитивностью, но которая на самом деле требует высокого и сложного мастерства» [19, с. 98].

В произведении заострена проблема двойственности, что определяет конфликтную основу. Его первая часть представляет собой бытовую зарисовку – сценку, происходящую «во дворе», где «два мальчугана гоняют на велосипедах», забыв про свою некрасивую сверстницу. Её непривлекательность описана достаточно подробно:

Среди других детей
Она напоминает лягушонка...

Черты лица остры и некрасивы... [8, с. 272]

Даже очарование детства не красит её, а когда наступит пора молодости, ей будет «нечем... прельстить воображенье». Лирический герой предвидит, какую «боль», какой «ужас» испытает «бедная дурнушка» тогда. Портрет «некрасивой девочки» ничем не сглажен, и потому особенно контрастно выделяется характеристика её «сердца», «души». Героиня открыта для всех впечатлений бытия, в ней нет «ни тени зависти, ни умысла худого», для неё неразделимы «чужое» и «свое» («Чужая радость так же, как своя, // Томит её и вон из сердца рвётся»). В её сердце «ликует и смеётся» сама жизнь:

Ей всё на свете так безмерно ново,
Так живо всё, что для иных мертво! [8, с. 272]

Красота души как противоположность внешнего успеха («...посреди подруг // Она всего лишь бедная дурнушка!»), становится печатью избранности, обрекая её на одиночество и непонимание.

Наблюдение над реальностью конкретного существования приводит к философским раздумьям, как проявляется красота в человеке, почему люди «обожествляют» внешние черты, не замечая, что «в любом движенье» сквозит «грация души». Вопрос, завершающий стихотворение, является риторическим – в нём заключён и ответ. Прекрасное не может быть «пустотой» в красивом «сосуде». Лирический образ находится в русле развития основной мысли автора о внутренней красоте человека, создавая особый конфликт «внешнего» и «внутреннего» несоответствия.

Цикл «Последняя любовь» (1957г.) Н. Заболоцкого интересен проявлением лирического конфликта. «Последняя любовь» для лирического героя – с одной стороны – это «безнадёжность», с другой – переживание, наполненное очарованием и сиянием «прощального света».

Внешнему, «тяжёлому» житейскому взгляду противопоставлено сознание наблюдателя, проникающее в глубь души героев. Любовь озаряет весь окружающий мир ярче «электрического блеска», в «её лучах» становится особенно зримой неразрывная связь расцвета и увядания, «горя» и «радости», «жизни» и «смерти»:

В неизбежном предчувствии горя,
В ожиданье осенних минут,
Кратковременной радости море
Окружало любовников тут... [8, с. 283]

Любовь предстаёт не только конкретным переживанием, важен и её философский смысл. Это особое состояние, дарованное людям, чтобы показать истинный смысл их жизни, освобождающее на мгновение из земного плена сущность человека – его бессмертную, прекрасную, «огнеликую» душу.

Лирический конфликт у Н.Заболоцкого всегда основан на «двомирии», «мир человека» и «мир природы» составляют его основу, и это единое целое, которое определяет «мир человеческой души». В стихотворении «На закате» (1958г.) поэт пишет:

Два мира есть у человека:
Один, который нас творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил [8, с. 323].

Таким образом, можно утверждать, что природа лирического конфликта в творчестве Н.Заболоцкого 50-х годов существенно изменилась и претерпела своего рода эволюцию: от «производственного», выраженного масштабным охватом гигантского строительства и возвышенным пафосом изображаемого, до глубоко личного, внутреннего, основанного на сложности жизненных явлений.

Поэзия 50-х годов отразила не только эволюцию тем, идей, образов, но и эволюцию лирического конфликта, который существенно изменился за эти годы. В конце 40-х – начале 50-х годов поэзия оказалась под сильным воздействием только что отгремевшей войны, в эти годы своеобразно и мощно заявила о себе плеяда «фронтовых» поэтов. Тема войны стала одной из главных тем в творчестве С.Гудзенко, М.Исаковского, К.Симонова, А.Твардовского, С.Орлова и др., отразивших сложный исторический конфликт времени в своих произведениях.

Стремление постичь основные тенденции времен, осмыслить размах социальных преобразований характерен для поэзии этого времени. Тема возвращения к мирной жизни явилась составляющей частью в творчестве многих поэтов, в том числе М.Луколина, Н.Грибачёва, Я.Смеякова. Нельзя не отметить тот факт, что так же, как и в прозе, «бесконфликтный» лирический конфликт чаще реализовался в теме социальных преобразований и в деревенской теме. В этом, видимо, сказалась общая тенденция развития литературы этого времени и стремление к отражению позитивных сторон жизни. Например, несколько «облегчённой», «бесконфликтной» является изображение действительности в стихотворении Н.Грибачёва «Колхоз «Большевик» и поэме М.Луколина «Рабочий день». Стремление к идеализации жизни характерно и для отдельных стихотворений Е. Долматовского, А.Прокофьева, Я.Смеякова.

«Бесконфликтный» лирический конфликт во многом негативно повлиял на развитие поэзии 50-х годов. Во-первых, он способствовал огромному потоку бессодержательных произведений, их «количество превышало качество», во-вторых, – во многом определял тематические границы и низкий уровень художественности в поэзии. С течением времени, со второй половины 50-х годов ситуация в поэзии, как и в литературе в целом, стала меняться. «Бесконфликтность», признанная несостоятельной и вредной, благодаря дискуссиям и выработанной объективной оценке этого явления стала лишь составляющей частью в отдельных стихотворениях. С преодолением «бесконфликтности» в поэзии 50-60-х годов стали утверждаться произведения, в которых лирический конфликт строился не на «искусственности», а на глубоком противоречии лирического героя и его исторической памяти (А.Твардовский), на реальном осознании проблем деревенской жизни (Н.Рубцов), на глубоком философском осмыслении сложнейших проблем жизни и времени (А.Ахматова, Б.Пастернак), на утверждении новых возможностей человечества в эпоху

глобальных преобразований (Е.Евтушенко, А.Вознесенский).

Примечания:

1. Бергольц О. Против ликвидации лирики // Литературная газета. – 1954. – 28 октября.
2. Винокуров Е. Мир трёх измерений / День поэзии. – М., 1960.
3. Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчёт. – М., 1956.
4. Гегель. Эстетика. Т.3. – М., 1971.
5. Гинзбург Л. О лирике. – М., 1964.
6. Гринберг И. Творчество молодых // Литературная газета. – 1947. – 16 февраля.
7. Долматовский Е. У будущих морей // Знамя. – 1951. – № 10.
8. Заболоцкий Н. Собр. соч. в 3т. Т.1. – М., 1983.
9. Заболоцкий Н. Творцы дорог // Новый мир. – 1947. – № 1.
10. Зелинский К. О лирике // Знамя. – 1946. – № 8-9.
11. Исаковский М. Доколе? // Вопросы литературы. – 1968. – № 7. Сельвинский И. Эпос. Лирика. Драма. (Заметки на полях поэзии) // Литературная газета. – 1967. – 2 апреля.
12. Кедрина З. Поиски главного. (Рассказ о потерянном литературном процессе) // Новый мир. – 1948. – № 5.
13. Лавлинский Л. Взрывная сила. М., 1972.
14. Лейтес А. О «двойной бухгалтерии» в критике // Литературная газета. – 1946 год. – 5 октября.
15. Македонов А. Николай Заболоцкий. Жизнь. Творчество. Метаморфозы. – М., 1987.
16. Пикач А. Возраст поколения // Звезда. – 1970. – №11.
17. Пospelов Г. Теория литературы. – М., 1978.
18. Прокофьев А. Вместе с песней // Знамя. – 1951. – №7.
19. Роднянская И. Поэзия Н.Заболоцкого // Вопросы литературы. – 1959. – № 1.
20. Смеяков Я. Собр. соч. в 3-х т. Т.3. – М., 1977.
21. Сурков А. Советская литература и великие стройки коммунизма // Знамя. – 1951. – №1.
22. Тарасенков А. Заметки о поэзии // Новый мир. 1948. – №4.
23. Щипачёв С. За высокую поэзию // Правда. – 1952. – 13 декабря.